

На правах рукописи

САТУШИЕВА ЛЮБОВЬ ХАБАСОВНА

**РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XVIII – ФЕВРАЛЬ 1917 Г.):
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ**

Научная специальность:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)

Автореферат

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре теории и истории права и государства автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет».

Научный консультант: Захарцев Сергей Иванович

доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, член-корреспондент РАН, профессор кафедры отраслевых и юридических дисциплин (командного) федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»

Официальные оппоненты: Ахмедов Руслан Маратович

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник автономной некоммерческой организации «Научно-исследовательский институт образования и науки».

Халифаева Анжела Курбанова

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный университет».

Дашин Алексей Викторович

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина».

Защита диссертации состоится 23 декабря 2026 года в 14:00 на заседании диссертационного совета 75.2.016.02, созданного на базе автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет», по адресу: 105005, Россия г. Москва ул. Радио, д.22, в зале заседания диссертационного совета, аудитория 529.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте диссертационных советов АНО ВО «Российский новый университет» (<https://ds.rosnou.ru>).

Автореферат разослан «___» ноября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 75.2.016.02,
кандидат юридических наук, доцент

А.Р. Корнилов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Особую актуальность теме исследования придает тот факт, что руководство современной Российской Федерации уделяет огромное внимание пропаганде сохранения исторической памяти от фальсификации и укрепления традиционных ценностей, где религиозно-правовые традиции являются духовно-нравственным фундаментом в государственном единении. На это указывают положения ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также Указа Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единения народов России», где упоминается вера в Бога в качестве фактора, оказавшего влияние на духовно-нравственную преемственность в развитии Российского государства, способствовавшего укреплению национального единства, мира и согласия между народами, проживающими на территории современной России. Противодействие религиозному экстремизму и терроризму, возбуждению расовой, национальной или религиозной розни, ненависти является действенной мерой установления гражданского мира и порядка среди многонационального и многоконфессионального состава населения страны, где существенная роль в этом направлении государственной деятельности отводится Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации и правоохранительным органам Российской Федерации.

Северный Кавказ является регионом традиционного распространения двух религий – ислама и христианства, которые оказали существенное влияние на формирование религиозно-правовой традиции региона. Горцы на протяжении веков испытывали «перекрестное» воздействие соседних «цивилизационных парадигм» и государственно-правовых систем, что обусловило социокультурное и национально-государственное устройство в вопросах формирования самобытного этнокультурного кода у горцев, где религиозное мировоззрение приобрело важную нормативно-ценностную роль в правоотношениях, идеологически консолидировав народы, проживающие на Северном Кавказе в составе «северокавказской цивилизации».

Началом активного развития культурно-идеологического взаимодействия между народами Северного Кавказа и русскими (православными по вере), согласно

историческим свидетельствам, считается XVI в¹. Установившееся межнациональное взаимодействие Российской империи с населением Северного Кавказа в XVII в. ознаменовалось тем, что российская власть усилила свое культурно-идеологическое влияние на мировоззрение горского населения путем установившихся торговых, дипломатических, военно-политических контактов. Это способствовало тому, что в 1645 г. Кабардинские земли приняли подданство русского самодержца. Однако в ходе арабской, ордынской и крымско-турецкой экспансий в обозначенный период христианские традиции на Северном Кавказе постепенно утратили свое бывшее идеологическое значение в консолидации горских народностей. На смену христианства арабы, османы и иранцы интегрировали в сообщества кавказцев идеологему ислама в качестве мировоззренческой духовно-нравственной (тарикат) доминанты и религиозно-правовой установки (шариат). Поэтому к началу XVIII в. придерживались христианства на Северном Кавказе только осетины-аланы.

Лишь в XVIII в. христианская идеологема на Северном Кавказе, благодаря поддержке Российской империи, вновь стала обретать свое культурно-идеологическое влияние в качестве духовно-нравственной парадигмы общественного мироустройства по отношению к коренному населению. Причина длительного мировоззренческого «застоя» в духовно-нравственном расширении идеологемы православия в сознании кавказцев заключалась в получивших развитие геополитических столкновениях Российской и Османской империй в борьбе за влияние на Северном Кавказе, которые сопровождались военными конфликтами.

В то же время в обозначенном периоде среди автохтонных горских народностей под воздействием идеологемы ислама в сочетании с нормами обычного права и шариатом оформилась самобытная религиозно-правовая традиция, ставшая универсальным нормативно-ценностным регулятором, которая приобрела отчетливые нормативно-регулятивные формы. Примером тому служат нравственно-этический кодекс чести, институт права кровной мести, аталычество, куначество. Эти регуляторные институты правоотношений подчеркивали не только уникальные этнокультурные особенности быта, уклада, нрава, правосознания горца, но и те духовно-нравственные установки, ценности, которые

¹ См.: Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / С прил. извлечений из монографии Б. М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков». Полное собрание русских летописей. Том XIII. Москва : Языки русской культуры, 2000. 544 с., разд. паг. (VIII с., 302 с. А–D с., 303–532 с.).

приобрели межпоколенческое значение, связав кавказские народности общей исторической памятью.

Более того, усиление мировоззренческого влияния ислама в качестве духовно-нравственной ценности среди горцев способствовало тому, что в начале XIX в. северокавказские народности, преобразуя внутреннее общественное устройство, стали формировать политический союз (квазигосударство) в виде имамата, где верховная светская и духовная власти были сконцентрированы в руках имама. В качестве мировоззренческой идеологии государственного единения имам заложил постулаты ислама с перспективой построения мусульманского государства (Халифат) с опорой на нормы шариата и позитивного права (Низамы), идейными выразителями которых стали мюриды.

В результате усилившегося геополитического влияния Российской империи в сфере интеграции территории Северного Кавказа в состав державного религиозно-правового пространства во второй половине XIX в. произошло падение имамата Шамиля и начался процесс трансформации религиозно-правовой традиции у горских народностей под влиянием православной идеологии и имперского позитивного права. Изменилась этнодемографическая карта региона в силу миграционных процессов махаджиров, которые убывали в Турцию, Сирию, Иран, Иордан и другие мусульманские страны для того, чтобы сохранить прежний быт, веру, обычаи и традиции.

Стремление российского государя в конце XIX в. гармонизировать национально-религиозные интересы автохтонных народностей Северного Кавказа с общеимперскими способствовало комплементарности этнокультурных обычаев, традиций, духовно-нравственных ценностей, религиозных воззрений в составе державного религиозно-правового пространства, но при одном обязательном условии – сохранении доминирования православной идеологии в качестве господствующего мировоззрения. Это позволило преодолеть развивавшийся межнациональный цивилизационный «разлом», где приоритет в реализации царской государственно-вероисповедной политики приобрели культурно-идеологические, просветительские формы по аккультурации населения окраин империи, которое в том числе затронуло и население Северного Кавказа.

Однако политическое «игнорирование» самодержавием социальных запросов на преобразование основ перспективного государственного строительства, в том числе в вопросах расширения гражданских прав и религиозных свобод, «накаляло» внутреннее протестное, прежде всего, национально-религиозное движение. Как следствие, к февралю 1917 г. революционные общественно-политические преобразования приобрели характер

неизбежности смены государственного строя, политического режима и формы государственного устройства. Это способствовало дезинтеграционным процессам в национальных окраинах державного религиозно-правового пространства, усилению регионального сепаратизма, где в качестве политического обоснования о целесообразности национально-государственной автономии заявлялись этнокультурные типологические свойства коренных народностей (религия, язык, традиция, обычаи, культура). Подобное политико-правовое устремление на выход из состава Российской империи, основанное на национально-религиозном факторе, проявилось и в умонастроениях горцев Северного Кавказа.

Итогом революционных преобразований государственного устройства Российской империи в первой четверти XX столетия стал «развал» державного религиозно-правового пространства, смена политического режима, основ государственного устройства и формы правления. Религиозно-правовые традиции в условиях государственного строительства Советской республики стали рассматриваться в качестве рудиментов, что способствовало формированию новой государственной идеологии в виде секуляризации религии и атеизации мировоззрения у населения.

Таким образом, в период с XVIII в. по февраль 1917 г. народы Северного Кавказа сформировали самобытную религиозно-правовую традицию, которая приобрела нравственно-ценностный, межпоколенческий характер в качестве регулятора правоотношений и стала идеологической основой для их национально-государственного единения. Религиозно-правовая традиция народов Северного Кавказа гармонично сочетала религиозные установки, духовно-нравственные ценности и нормативные регуляторы по их отношению к окружающей среде, личностной поведенческой мотивации, приобретшей значение национального менталитета. Это способствовало национально-государственному единению народов Северного Кавказа в единое цивилизационное «тело», гармоничной интеграции горцев в состав державного религиозно-правового пространства Российской империи в XIX в.

Анализ сущности и содержания религиозно-правовой традиции, которая сложилась у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по начало февраля 1917 г. в качестве нормативно-ценностного регулятора, позволяет ответить на следующие вопросы. Как складывалась и развивалась структура общественных отношений у народов Северного Кавказа под влиянием религиозного фактора? Каково место и роль религиозно-правовой традиции в социокультурной идентичности северокавказской цивилизации? Какое значение оказала ретрансляция религиозно-правовой традиции на межпоколенческую

преемственность горцами аксиологических духовно-нравственных архетипов, а также на усвоение новых идей, ценностей, способствовавших модернизации общественных отношений и национально-государственного устройства? Как происходило нравственное «сращивание» религиозных и правовых традиций в качестве нормативно-ценностных регуляторов общественных отношений? Как в дальнейшем возможно применять религиозно-правовую традицию в целях перспективного моделирования стратегического геополитического развития региона в целях сохранения гражданского мира и согласия среди многонационального состава народов Российской Федерации?

Таким образом, ответы на вышеобозначенные вопросы позволят уяснить особенности социокультурного и государственно-правового развития народов Северного Кавказа в указанном периоде времени; понять специфику формализации религиозно-правовой и политико-правовой мысли, которая приобрела традиционный характер в качестве регулятора общественного устройства среди горцев; выявить роль и значение государственно-правовой защиты самобытных религиозно-правовых традиций, органически сложившихся в северокавказском регионе и способствовавших интеграции кавказцев в державное многонациональное религиозно-правовое пространство Российской империи, что, собственно, и представляет суть проведенного исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Парадигма соотношения религии и права, специфика их проявления в категории «религиозно-правовой традиции», рассматривалась и прорабатывалась специалистами различных научных специальностей в различные исторические эпохи. Поэтому для того, чтобы провести сконцентрированное научное исследование по представленной теме диссертации, автором были рассмотрены положения и мнения специалистов, представлявших не только юридическую науку, но и другие смежные научные специальности, которые касались вопросов влияния религиозно-правовых традиций на общественно-политическую и правовую сферу отечественной государственности в период с XVIII в. по начало XX в.

Философско-идеологические основы соотношения сущности и содержания категорий «традиция» и «религия» отражены в трудах:

– отечественных исследователей: М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, Н. М. Карамзина, И. В. Кириевского, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, И. П. Медведева, В. В. Розанова, П. А. Сорокина, В. С. Соловьева, М. М. Сперанского, И. П. Срезневского, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкого,

Н. Ф. Федорова, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, А. С. Хомякова, П. Я. Чаадаева, Н. Г. Чернышевского, Г. Г. Шпета, А. В. Шмюлера и других;

– зарубежных исследователей: П. Л. Бергера, М. Вебера, Г. В. Ф. Гегеля, У. Джеймса, Э. Дюркгейма, И. Канта, Л. Леви-Брюля, Т. Лукманова, Б. Малиновского, К. Маркса, Р. К. Мертона, Р. Отто, Т. Парсонса, А. Радклиффа-Брауна, П. Тиллиха, Э. Трельча, Л. Фейербаха, З. Фрейда, Э. Фромма, Ф. Энгельса, К. Г. Юнга и других.

Влияние накопленного опыта и знаний предшествующих поколений на формирование традиций, в том числе правовой и религиозной, которые отражают атрибутивный уровень мировоззрения, миропонимания социально самоорганизованной группы по отношению к окружающей среде и внутренней интеллектуально-духовной жизни члена сообщества, изложены в трудах Д. Гросса, Г. Лебона, Г. Тарда.

Регуляторное предназначение традиций в устройстве общественных отношений и основ государственного порядка посредством исторической модификации ее конкретности из прошлого в настоящее рассмотрено в исследовании Т. Л. Воротлиной. А. Мегил, А. В. Мурахтанова. В трудах отмеченных ученых делается вывод о том, что традиция, имея сакрально-юридическое обоснование, формирует стереотипы общественного и индивидуального поведения для текущей повседневности, что придает ей нормативный характер. Религия является лучшим эталоном устойчивости нормативно-ценностной структуры, которая одномоментно выступает средством сохранения, передачи опыта и оказывает регулятивное воздействие на поведение общностей и индивидуумов.

Специфика восприятия сущности традиций посредством объективизации ее назначения через культурно-цивилизационные факторы и пространственно-временную трансмиссию в виде исторического наследия исследована в трудах культуролога Э. С. Маркаряна.

Вопросы эвристического потенциала, определения смысловых нормативно-ценностных границ понятия «традиция» в качестве элемента научного познания в виде юридической категории отмечены в научных трудах Д. А. Вовк.

Теоретико-методологический и исторический аспект специфики определения сущности правовой традиции в качестве социокультурного феномена и регулятора отражены в трудах выдающихся дореволюционных отечественных ученых: П. А. Александрова, А. Д. Градовского, В. П. Даневского, К. Д. Кавелина, Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, А. Ф. Кони, Н. М. Коркунова, Ф. И. Леонтовича, П. И. Милюкова, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева,

Л. И. Петражицкого, К. П. Победоносцева, Ф. Н. Плевако, В. И. Сергеевича, Н. С. Таганцева, Е. Н. Трубецкого, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича, А. П. Альбова, С. Н. Жарова, К. А. Ишекова и других.

Теоретико-методологическую базу для понимания правовой культуры как системы, обеспечивающей устойчивость и преемственность правовых традиций в обществе, составляют разработка категории «правовая культура» и ее связь с правовой традицией, которую одним из первых в постсоветской России разработал В. П. Сальников, показав, как традиционные ценности, включая нравственные и духовные, продолжают влиять на понимание сущности права в России, теоретически обосновав правовую культуру как фундамент носителя правовой традиции.

После 1917 г. сформировавшиеся элементы национальной правовой традиции, система фундаментальных ценностей коррелировалась с идеями марксистско-ленинской теории о соотношении государства и права, которые воплощены в научных трудах: С. А. Голунского, В. Е. Гулиева, Г. Д. Гурвича, А. И. Денисова, В. М. Жуковского, С. Л. Зивса, А. И. Косарева, В. М. Курицына, В. Н. Лесного, О. Э. Лейста, Е. А. Лукашевой, П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкина, Е. В. Родина, М. С. Строговича, Н. П. Фарберова, Р. О. Халфиной, З. М. Черниловского, В. Е. Чиркина, Г. В. Швекова, А. Ф. Шебанова и других.

Смена политического режима в конце 90-х годов XX столетия способствовала росту научных исследований, проблематика которых направлена на установление истоков отечественных правовых традиций, их роли и значения в правовой системе, государственном устройстве страны. К каковым относятся труды: Н. Н. Алексеева, С. С. Алексеева, Е. А. Апольского, К. В. Арановского, В. А. Бачинина, Г. Б. Власовой, Т. Л. Воротилина, М. В. Головацкой, В. Т. Графского, Т. И. Довнар, И. В. Дворянского, И. И. Кального, А. А. Кененова, А. С. Климова, Н. В. Ковалевой, С. Н. Кожевникова, С. А. Комарова, В. М. Корельского, В. В. Лазарева, М. В. Сальникова, Ф. Ф. Литвиновича, И. Б. Ломакина, В. П. Малахова, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, О. С. Кучина, И. Ю. Никодимова, И. В. Тишутина, Н. Ф. Медушевской, Н. В. Михайловой, В. В. Момотова, А. Ю. Мордовец, Л. А. Морозовой, А. В. Мурахтанова, С. А. Мурашовой, В. С. Нерсисянца, Ю. В. Оспенникова, В. Д. Перевалова, О. А. Плоцкой, Д. Ю. Полдникова, И. Н. Полонской, В. А. Рыбакова, Н. А. Рябинина, Л. Л. Сабировой, В. К. Самигуллина, А. П. Семитко, А. В. Скоробогатова, В. М. Сырых, Н. Н. Тарасова, В. А. Томсинова, Ю. Е. Пудовочкина, В. И. Плохова, В. А. Туманова, А. Г. Хабибулина, Т. Я. Хабриевой, А. К. Халифаевой, Р. Л. Хачатурова,

В. И. Червонюка, А. Ф. Черданцева, Н. Н. Черногора, В. М. Чхиквадзе, Р. В. Шагиевой, Н. М. Юрашевича и других.

Исследовательское предначертание о важности применения цивилизационного подхода в методологии исследования теоретической конструкции понятия «правовая традиция» содержится в исследованиях: И. У. Абубакирова, С. В. Батуриной, Д. А. Пашенцева, Л. А. Петручак, О. Н. Петюковой, О. В. Сазановой, В. П. Сальникова, М. П. Сальникова, В. Н. Синюкова, А. А. Степановой, Р. С. Сулипова, Р. А. Тория, Т. В. Цветиковой, Т. В. Шатковской, Д. В. Щербика и других.

Крупным специалистом в вопросах соотношения «родственных» категорий, таких как «правовая традиция» и «правовая культура», которые связаны между собой предпосылками возникновения различных социокультурных феноменов (нравственность, культура, обычаи, религия) и в силу этого несущих в себе общечеловеческие начала, ради утверждения которых существует цивилизация, является Г. В. Мальцев.

Специфика направления исследования обязывала диссертанта провести анализ научных трудов специалистов, рассматривавших влияние обособленных наборов верований, религиозных символов, ритуалов, доктрин, обрядовых практик в формировании традиционных устоев и институтов гражданского общества: С. А. Аверинцева, Ю. Ф. Борункова, В. В. Малявина, К. И. Никонова, В. С. Семенцова, А. В. Ситникова, Д. М. Угриновича, С. С. Хоружима, Н. В. Шелковой, И. Н. Яблокова и других.

Значение религиозной традиции в качестве междисциплинарной научной категории, а также ее влияние в качестве константы на аксиологические, этнокультурные, идеологические самобытные особенности и выбор цивилизационного пути развития обозначены в трудах М. М. Мchedлова.

Вопросы влияния религиозной традиции на выбор образа жизнедеятельности, типа мышления и уровень обыденного правосознания в соотношении с духовно-нравственными ценностями в рамках междисциплинарного исследования отражены в исследованиях Ю. Ф. Абрамова, А. З. Баглиевой, В. И. Куйбарь, А. В. Михайлова, М. Ю. Неверова, А. В. Ситникова, А. Е. Смирнова, В. Д. Корма и других.

Историческая взаимообусловленность соотношения религии и права в категории «религиозно-правовой традиции», оказавшей влияние на основы государственного устройства и правовой системы в России, нашла свое подробное научное воплощение в работах: Р. М. Ахмедова, А. А. Дорской, Т. Л. Козлова,

В. В. Лапаевой, М. Ю. Пахалова, В. Б. Романовской, А. А. Сафонова, С. В. Трегубенко и других.

Фундаментальным научным трудом является докторская диссертация А. А. Дорской по теме «Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX в.», где автор раскрыл роль и значение церковных канонов в качестве источника правовых традиций, определил особенности взаимодействия светского и церковного права в России конца XVIII – начала XX в.

В исследовании доктора юридических наук Р. М. Ахмедова на тему «Религиозно-правовые основы государственного строя Руси (с IX по начало XVI в.)» представлена фундаментальная историко-правовая концепция генезиса религиозно-правовых основ государственного строя Руси в период с IX по начало XVI в., заложивших духовно-нравственные и правовые истоки современной российской государственности.

Комплексный анализ соотношения религии и права в контексте формирования и эволюции отечественной правовой традиции, в основе которого специфика взаимодействия догмы права с духовно-нравственными ценностями, осуществлен кандидатом юридических наук С. В. Трегубенко в диссертационном исследовании «Религиозные основания правовой традиции России (историко- и теоретико-правовой аспекты)».

Вопросы изучения юридических закономерностей формирования и развития религиозной правовой традиции рассмотрены Т. Л. Козловым в диссертационном исследовании на тему «Религиозная правовая традиция (теоретический аспект)».

Специфика объекта исследования обязывала диссертанта проанализировать междисциплинарные исследования, которые посвящены установлению роли и влияния этнокультурных феноменов на становление и развитие религиозно-правовой традиции автохтонных народностей Северного Кавказа и объединивших их в северокавказскую цивилизацию в период с XVIII по февраль 1917 г. К таковым относятся научные труды: В. И. Абаева, М. Аболгачиева, М. Ю. Айбазовой, А. Алеманя, Т. А. Алоева, Р. Г. Абдулатипова, А. Р. Аталаскирова, И. Л. Бабич, Е. Б. Бесоловой, Л. А. Воловой, Л. А. Гутовой, О. Н. Дамения, Р. Н. Дзагова, М. З. Идрисова, З. Х. Канаметова, Ф. Г. Камкия, Ф. С. Кандыба, Т. У. Кцоева, С. М. Гозгешевой, Л. Э. Гумашвили, А. М. Магомедова, М. З. Магомедовой, Э. Т. Майбороды, В. Э. Манаповой, Х. М. Манкиевой, Ш. А. Мирзоева, А. Ш. Мирзоева, Б. Б. Нанаевой, С. К. Сапиевой, М. А. Селезнева, А. Р. Корнилова, Г. П. Лозовицкой, Х. Г. Тхагапсоева, Л. Х. Урусовой, А. Х. Хадиковой, С. Хантинтона, В. В. Черноуса, З. Б. Цаллаговой, З. У. Цораевой и других.

Среди них особый научный интерес в рамках исследования представляют материалы Х. М. Манкиеевой на тему «Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа», Р. Н. Дзагова на тему «Формирование полиэтнического населения Кабарды в XIX – начале XX века», где диссертанты представили авторские выводы по механизму формирования правовой культуры у народов Северного Кавказа.

Проблемы аккультурации и интеграции народов Северного Кавказа в многонациональный состав державного религиозно-правового пространства Российской империи в конце XIX – начале XX в. обозначены в исследованиях: М. И. Баразбиева, Р. М. Бегулова, Н. О. Блейха, Д. В. Васильева, М. А. Волхонского, Р. М. Гичибековой, Р. А. Ибрагимова, М. М. Керимова, Н. И. Краснякова, В. М. Муханова, В. Д. Корма, Н. А. Нефляшевой, Л. В. Сокольской, В. А. Сущенко, Б. В. Туаевой, Е. С. Шавлоховой и других.

Содержательно-правовая характеристика конструкции памятников юридического наследия народов Северного Кавказа представлена в научных трудах исследователей: Р. С. Абдулмажидова, Г. Л. Аскеровой, Л. С. Багомедовой, Г. Р. Гасанова, Э. К. Джамаловой, А. И. Исмаилова, М. А. Исмаилова, Д. Д. Квициани, Х. Г. Магомедсалихова, А. В. Попова, Р. А. Тагирова, А. К. Халифаева и других.

Отдельного научного внимания заслуживают исследования, которые посвящены становлению и развитию государственности у народов Северного Кавказа, представленные в трудах: К. А. Абдуева, М. М. Гайдарбекова, Х. М. Газимагомедова, Р. Р. Гашимова, Р. Э. Германа, Ю. У. Дадаева, В. В. Дегоева, Ю. Д. Джабраилова, М. М. Идрисова, Д. В. Овсянникова, А. И. Омарова, А. Х. Рамазанова, Л. П. Рассказова, А. З. Руновского, Х. О. Тилакаевой, В. В. Хана, М. Г. Шехмагомедова, Д. М. Шигабутдинова и других.

Вопросы геополитического соперничества Российской империи с Османской империей, Ираном, Великобританией, Польшей, Германией на территориях Северного Кавказа и его влияния на быт, уклад, нрав, веру, сознание горца в период с XVIII по начало XX вв. раскрыты в исследованиях: Р. С. Абдулмажидова, Н. И. Болохиной, М. В. Васильева, Л. В. Бурыкина, Э. А. Гургулия, В. В. Дегоева, Г. А. Дзидария, С. Д. Дударева, Д. В. Жилыева, Ю. Ю. Карпова, З. Ю. Кубашичевой, А. А. Куваева, Ф. М. Кулиева, З. А. Магомедова, И. Т. Марзоева, О. Ю. Ожерельевой, Р. Сафарова, А. В. Сичкарь, А. А. Тлячева, Ю. А. Узлова, К. Х. Унежева, А. А. Хамицаевой, Ц. Харалампиевой, А. К. Чеучевой и других.

Современный анализ нормативно-ценностной, регулятивной особенности древних правовых обычаев, религиозных воззрений, приобретших универсальный национальный характер, который ментально свойственен жителям Северного Кавказа, рассмотрен в исследованиях В. О. Бобровикова, Д. Х. Сайдумова, Л. Г. Свечниковой, Н. М. Михайленко, Б. М.-Г. Харсиева и других.

Так, вопросы соотношения обычая, права и насилия среди автохтонных народностей Северного Кавказа мусульман по вере отражены в научном труде В. О. Бобровикова на тему «Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана». В данном научном труде анализируется правовая культура народов северокавказского региона после их включения в общероссийское религиозно-правовое пространство.

Функциональная роль обычая в праве народов Северного Кавказа, а также теоретическое осмысление процессов трансформации правовых обычаев под влиянием российского законодательства в XIX в., их научная оценка представлены в докторской диссертации Л. Г. Свечниковой на тему «Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.».

Теоретический, историко-правовой, сравнительно-правовой анализ категорий «правовой обычай», «закон» и «мораль», изучение функционального назначения данных категорий, особенности их соотношения и взаимодействия, а также выявление специфики в качестве источника права на примере правовой традиции народов Северного Кавказа проведены в диссертационном исследовании Н. М. Михайленко на тему «Правовой обычай в системе источников права: опыт комплексного исследования (на примере правовой традиции народов Северного Кавказа)».

Критическая оценка закономерностей и особенностей правовой системы, специфики юрисдикции у народов Северного Кавказа содержится в исследовании Д. Х. Сайдумова на тему «Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.)». В диссертации автор рассмотрел историческую практику регулирования судебно-правовых отношений в ходе правовых, административных, судебных преобразований, проведенных в Чечне и Ингушетии в XVIII–XX вв.

Специфика упорядочения национально-вероисповедного законодательства в Российской империи с начала XX в. до февраля 1917 г. в целях гармонизации державного религиозно-правового пространства и интеграции народов Северного Кавказа в многонациональный состав освещена в исследованиях: А. В. Аверьянова, С. Я. Алибекова, И. В. Амбрацумова, Б. В. Ананьева, И. Л. Бабичевой, М. А. Бабкина, А. Ю. Бендина, А. Б. Богомолова, Р. Ш. Ганелина, К. Р. Дзалаевой, Б. Б. Дубенцова, В. С. Дялкина, С. В. Золотых, М. М. Имашева,

И. В. Левакина, А. В. Логинова, С. А. Лукьянова, В. А. Матвеева, М. М. Одинцова, В. К. Пинкевича, С. И. Потолова, А. А. Саидова, А. А. Сафонова, В. Д. Спасовича, Е. А. Терюкова, А. Ю. Хабутдинова, Е. В. Шандулина и других.

Среди отмеченных исследователей система правового регулирования религиозных объединений царским и Временным правительством в дооктябрьский период начала XX в. комплексно рассмотрена А. А. Сафоновым в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века».

Таким образом, вышеотмеченные исследователи демонстрируют подтверждение важности роли и значения религиозно-правовых традиций народов Северного Кавказа в качестве темы научного исследования. Однако представленный широкий круг исследований по избранной проблематике на концептуальном уровне не отражает комплексные позиции относительно вопроса о нормативно-ценностном предназначении объекта исследования в становлении и развитии основ государственности у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г. Имеющиеся юридические исследования отражают лишь некоторые аспекты влияния религиозно-правовой традиции на формирование правовых основ общественного и национально-государственного устройства среди автохтонных народностей Северного Кавказа.

Абсолютное большинство кавказоведов исследуют лишь отдельно выделенные области научного познания в отмеченной сфере, применимые к конкретной народности Северного Кавказа и в узко заданном хронологическом отрезке времени. Соответственно, нет общекавказского исследовательского охвата и, как следствие, сопоставления объекта представленного научного труда по рассматриваемому периоду. Это означает, что в отечественной историко-правовой науке фундаментальных научных работ, концептуально прослеживавших цепи событий, фактов, идей и способных пролить свет на становление и развитие религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г., нет.

В этой связи возникает объективная потребность и необходимость фундаментального исследования ценностного предназначения религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа, испытавших влияние адатов, норм религии и позитивного права в период с XVIII в. по февраль 1917 г., установить их сущностную взаимосвязь в качестве нормативно-ценностного регулятора общественных отношений, приобретших межпоколенческий характер в исторической памяти коренных народностей. Несомненно, вышеуказанные

обстоятельства подтверждают актуальность выбранной научной проблематики для восполнения имеющихся пробелов в знаниях об истории отечественного права и государства.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, в которых религиозно-правовая традиция выступает в качестве нормативно-ценностного регулятора у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г.

Предметом диссертационного исследования являются правовой механизм и формы нормативно-ценностной реализации религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г., их роль в системе правового регулирования при упорядочении правоотношений в национально-государственном устройстве.

Хронологические рамки диссертационного исследования составляет период с XVIII в. по февраль 1917 г., который диссертантом условно разделен на три группы: а) период XVIII в.; б) период XIX в.; в) период 1900 – февраль 1917 гг. В основу градации хронологических отрезков заложены следующие этнокультурно-идеологические и политико-правовые факторы: 1) роль и влияние этнокультурных факторов на становление и развитие религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа; 2) приведение нормативно-ценностных регуляторов и духовно-нравственных установок общественных отношений в формализованную религиозно-правовую систему у горцев; 3) специфика проявлений религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа в качестве регулятора правоотношений в национально-государственном устройстве.

Представленные периоды являются характерными для обобщенного исследования общественно-политических, правовых, религиозных, культурно-идеологических факторов, внесших существенные преобразования в становление, развитие духовно-нравственных ценностей и оформление религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г., позволили выявить важнейшие общественно-политические и правовые сдвиги, произошедшие при формировании государственного устройства у народов Северного Кавказа под воздействием не только национальных, но и общероссийских, общемировых процессов и их последующее историко-правовое воплощение в качестве практического опыта.

Нижняя граница определяется XVIII в., когда Российская империя заложила нормативно-регулятивные основы вероисповедного законодательства, предопределившего формирование державного религиозно-правового пространства. Это способствовало формированию государственно-

вероисповедной политики, содержательно опиравшейся на традиционные духовно-нравственные установки, которые в последующем стали учитывать специфику религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа, вошедших в состав Российской империи.

Присоединение Северного Кавказа к Российскому государству в XIX в. оказало огромное влияние на устройство общественных отношений, регламентацию религиозно-правовой системы как у коренных народностей северокавказской цивилизации, так и у России в целом. Интеграционные процессы способствовали трансформации державного религиозно-правового пространства, содержание которого стало определяться духовно-нравственными установками на терпимость инославных, иноверных вероисповеданий подданных империи, послужили интегрированию и гармонизации позитивного, обычного права и религиозных норм на основе имперской правовой системы.

Верхняя граница исследования определена до событий февраля 1917 г., когда в Российской империи произошло изменение политического режима, оказавшего влияние на смену государственной идеологии. В этот период роль и значение религиозно-правовой традиции в качестве регулятора, как и статус религиозных объединений, существенно изменен.

В то же время в работе имеются некоторые хронологические отступления, которые поясняются необходимостью углубленного анализа специфики содержания этнокультурных нормативно-ценностных регуляторов, духовно-нравственных установок, форм их реализации, приобретших характер религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа.

Целью диссертационного исследования является формирование историко-правовой концепции становления и развития религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г., повлиявшей на духовно-нравственные, культурно-идеологические и политико-правовые закономерности в национально-государственном устройстве российской государственности.

Для достижения поставленной исследовательской цели реализованы следующие **задачи**:

1) *дать* авторскую трактовку понятиям «правовая традиция», «религиозная традиция», раскрыть их аксиологическую сущность, механизм реализации, ставших базисом в качестве нормативно-ценностного регулятора общественных отношений;

2) *дать* авторскую трактовку понятия «религиозно-правовая традиция», определить ее формы внутреннего и внешнего выражения;

3) *дать* авторскую трактовку понятия «северокавказская цивилизация», выявить этнокультурные, духовно-нравственные ценности горских народностей, в глубинных началах которых заложены религиозные установки и правовые обычаи, приобретшие характер религиозно-правовой традиции;

4) *установить* религиозно-правовую природу и регулятивное предназначение нравственно-этического кодекса, который сформировал уникальный характер коммуницирования социумов северокавказской цивилизации;

5) *установить*, что механизм предупреждения и восстановления социальных установлений за общеопасные преступления, который основан на нормах адата и легитимирован религиозными воззрениями, регламентирует порядок реализации института права кровной мести;

6) *определить*, что религиозно-правовая природа института аталычества в качестве регулятивной меры сопряжена с установлением сакрально-юридических гарантий безопасности в установлении социальных связей;

7) *установить*, что нормативно-ценностная основа религиозно-правового института куначества духовно-нравственно сплачивает автохтонные народы Северного Кавказа в особый тип гостеприимной цивилизации;

8) *установить*, что Российская империя в XVIII–XIX вв. осуществляла государственно-правовые преобразования на территории Северного Кавказа посредством синкретизации духовно-нравственных доминант православной идеологии с самобытной религиозно-правовой традицией горцев;

9) *установить*, что социальное предназначение махаджирства у горцев предопределено стремлением к преемственности религиозно-правовой традиции, которое сопряжено с духовно-нравственными установками и религиозными постулатами ислама, а также архаичными культурно-идеологическими и матримониальными связями народов Северного Кавказа с мусульманами других государств;

10) *определить*, что религиозно-правовой платформой национально-государственного единения имамата Шамиля являлся ислам суфийского направления накшбандийского тариката, проводниками которого являлись мюриды;

11) *установить*, что царская власть в конце XIX – начале XX века сформировала державное религиозно-правовое пространство, определить его место и роль в национально-государственном устройстве Российской империи и *выявить* специфику соотношения вероисповедного и национального факторов

в регламентации религиозно-правовых традиций на Северном Кавказе в начале XX века;

12) *дать* авторское определение понятия «державное религиозно-правовое пространство», определить его сущность.

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные методы эмпирического исследования и теоретического познания (исторический, социологический, синергетический, психологический и др.), общелогические приемы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, абстрагирование и др.). В качестве конкретно-научных методов использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический анализ, метод правового моделирования, конкретно-исторический и другие. Применен философский подход (диалектический материализм и диалектический идеализм, позитивизм, феноменология и др.), а также применены исторические методы исследования (диахронный, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, метод синхронизации, ретроспективный, типологический, хронологический, антропологический, метод контент-анализа, реконструкции). Междисциплинарный подход исследования способствовал применению теологических методов (казуальный, экзегеза, сравнительная теология, структурно-функциональный анализ, феноменологический и др.), методов исследования в этнокультуре (метод пережитков, кросс-культурный и др.).

В своей совокупности перечисленные методы позволили: провести всесторонний и взвешенный комплексный анализ становления и развития религиозно-правовой традиции, оказавшей влияние на формирование и закрепление национальных этнокультурных традиций и обычаев у народов Северного Кавказа, специфику реализации государственно-религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе в рассматриваемом хронологическом отрезке; охарактеризовать влияние традиционных духовно-нравственных установок, испытавших нормативно-ценностное воздействие обычного права и религиозного канона в устройстве основ государственного правопорядка на Северном Кавказе; установить формы реализации традиционных народных религиозно-правовых институтов, их внутреннюю ценностную сущность, содержание и предназначение в качестве регуляторов правоотношений.

Источниковая база диссертационного исследования включает в себя широкий спектр теоретического, нормативного и эмпирического материала и определяет его комплексный, междисциплинарный характер.

Теоретической основой диссертационного исследования являются труды ученых прошлого и настоящего времени, принадлежавших к различным научным направлениям и школам: правоведы, историки, политологи, философы, этнографы, культурологи. В этих трудах прослеживается становление и развитие религиозно-правовой традиции автохтонных народностей северокавказской цивилизации, а также специфика соотношения позитивного, обычного права и религиозных традиций в государствообразительных процессах на Северном Кавказе в период с XVIII в. по февраль 1917 г.

Так, дореволюционными эмпирическими исследованиями по изучаемой теме являются научные труды: С. Броневского («Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»), Ф. И. Леонтовича («Адаты кавказских горцевъ. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа»), М. М. Ковалевского («Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении»), Хан-Гирея («Записки о Черкесии»). В отмеченных исследованиях представлен аналитический историко-правовой материал по истории происхождения адатов у автохтонных народностей Северного Кавказа, проведен сравнительно-правовой анализ соотношения адатов с нормами позитивного имперского права периода XVIII–XIX вв. Приводятся оригиналы текстов адатов вольных обществ народов Северного Кавказа.

Широкие сведения о специфике уклада быта, нрава, религии, традиций, обычаев автохтонных народностей Северного Кавказа в обозначенном хронологическом отрезке представлены в опубликованных воспоминаниях военных и государственных деятелей в лице отечественных и зарубежных современников рассматриваемого периода. Среди них можно выделить труды: А. А. Бестужева-Марлинского («Кавказские повести»), А. П. Ермолова («Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг.»), И. А. Гильденштедта («Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.»), Ю. Клапрота («Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг.»), Д. А. Милютина («Воспоминания. 1856–1860»), Я. Потоцкого («Путешествие в Астраханские и Кавказские степи»), А. Руновского («Записки о Шамиле»), Э. Спенсера («Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году»; «Путешествия в Черкесию»), Ф. Ф. Торнау, Тэбу де Мариньи («Путешествие по Черкесии»), Р. А. Фадеева («Государственный порядок. Россия и Кавказ. Шестьдесят лет Кавказской войны»), Э. Челеби («Книга путешествия»), Л. Л. Штедера («Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году»), сборники

воспоминаний участников Кавказской войны XIX в. («Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы»; «Осада Кавказа») и другие.

Дополняют вышеотмеченные исследования труды кавказоведов, где отмечается глубокое изучение этнокультурных особенностей народов Северного Кавказа. Речь идет о материалах Института востоковедения Академии наук СССР «Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля», подготовленных под руководством И. Ю. Крачковского. Материалы из книги В. В. Дегоева «Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе». Кроме того, можно отметить материалы из книги, подготовленной авторским коллективом на тему «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.); сборник документов, подготовленный Дагестанским филиалом Академии наук СССР «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века»; материалы сборника документов на тему «История адыгов в документах Османского государственного архива», которые подготовлены Институтом гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, архивной службой Кабардино-Балкарской Республики и центром социально-стратегических исследований «Кавказский дом» г. Стамбула. Продолжая перечень, можно добавить монографическое исследование Г. А. Дзидария на тему «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», где автор подробно описал процесс общекавказского переселенческого движения в Турцию и другие страны Ближнего Востока; сборник документальных материалов, подготовленный Институтом истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания на тему «Российский Кавказ: опыт государственного строительства в XVIII–XIX вв.»; сборник документальных материалов, подготовленный Архивным управлением МВД Грузинской ССР на тему «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов» под редакцией Ш. В. Цагарейшвили; сборник документов и материалов на тему «Эмиграция дагестанцев в Османскую империю», составитель А. Магомеддаев.

Помимо указанных в представленном исследовании использовались материалы современников: А. Х. Абазова на тему «Народы центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в.)), Р. Н. Дзагова на тему «Формирование полиэтнического населения Кабарды в XIX – начале XX в.», З. Б. Кицкеевой на тему «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.)), материалы из книги А. С. Омарова «Из истории

права народов Дагестана (материалы и документы)», Б. М.-Г. Харсиева на тему «Обычаи семьи и семейного быта горцев Кавказа с конца XIX до середины XX века».

В целях достижения достоверности научных результатов, во избежание догматических установок и схем научного измышления по отношению к объекту исследования, отраженных в агиографической и эмпирической литературе по исследуемой проблематике, приоритет отдан нормативным первоисточникам.

Существенными первоисточниками являются архивные материалы, которые представлены в: «Актах, собранных Кавказской Археографической комиссией» в 12 томах; «Архиве государственного Совета» в 5 томах с полутомами; сборнике документов, напечатанном по распоряжению командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта князя Г. С. Голицына на тему «Утверждение русского владычества на Кавказе» в 4 томах; «Эпиграфических памятниках Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках» в 3 частях, подготовленных Л. И. Лавровым; сборнике документов «Административная практика Российской империи на центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии)», подготовленном Е. И. Кобахидзе; сборнике архивных материалов, составленном Х.-М. Хашаевым под названием «Законы вольных обществ XVII–XIX вв.; сборнике переводов с арабского, тюркских и кавказских языков памятников обычного права Северо-Восточного Кавказа V–XX вв. на тему «Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в.», где составителем и ответственным редактором выступил В. О. Бобровиков; сборнике документов, опубликованном Объединенной редакцией МВД России на тему «Кавказский вектор российской политики»; сборнике официальных документов и письмах из Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН на тему «100 писем Шамиля»; сборнике документов и материалов на тему «Революция 1905–1907 годов на Тереке», составитель А. К. Джанаев; сборнике документов «Конфессиональная политика Временного правительства России», подготовленном М. А. Бабкиным.

Особый научный интерес представили архивы библиотечных фондов, среди которых материалы Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), Национального архива Грузии (далее – НАГ), Центрального Государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР), Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК). Изучение указанных документов способствовало установлению достоверности

в определении факторов, оказавших влияние на становление и развитие религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г., позволило ввести впервые в научный оборот данные и сведения, которые ранее не нашли свое воплощение в исследованиях кавказоведов.

Научная новизна диссертационного исследования представлена в следующем.

1. Впервые в российской историко-правовой науке представлена авторская концепция становления и развития религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г. Благодаря этому стало возможным устранить те пробелы, которые имеются в истории отечественного государства и права относительно вопроса о соотношении норм религии и права в качестве регуляторов у народов Северного Кавказа.

2. Дана авторская трактовка понятия «правовая традиция», «религиозная традиция», раскрыта их аксиологическая сущность и нормативно-регулятивное содержание.

3. Дана авторская трактовка понятия «религиозно-правовая традиция», оказавшего сущностное влияние на становление и развитие отечественной правовой системы и национально-государственного устройства.

4. Дана авторская трактовка понятия «северокавказская цивилизация», определена природа религиозно-правовой традиции северокавказской цивилизации.

5. Установлено, что нравственно-этическое и регулятивное предназначение кодекса чести у горцев предопределено спецификой исторически сложившейся локальной социокультурной традиции, родовыми обычаями, религиозными воззрениями, которые сформировали уникальный характер взаимодействия народностей северокавказской цивилизации.

6. Установлено, что право кровной мести представляет собой религиозно-правовой институт с наличием механизма предупреждения и восстановления социальных установлений за общепасные преступления, который основан на нормах адата и легитимирован религиозными воззрениями.

7. Выявлено, что религиозно-правовой институт аталычества сопряжен с возникновением искусственных родственных взаимоотношений, который основан на доброй воле сторон, адате и легитимирован религией как мерой гарантии безопасности в установлении социальных связей.

8. Определено, что нормативно-ценностной основой института куначества являются родовые обычаи и религиозные воззрения, которые с опорой на духовно-

нравственные установки сплачивают народы Северного Кавказа в особый тип гостеприимной цивилизации.

9. Выявлена сущность и предназначение махаджирства среди горцев в преемственности религиозно-правовых традиций.

10. Установлены место и роль религиозно-правовой традиции в национально-государственном устройстве имамата Шамиля.

11. Дана авторская трактовка понятия «державное религиозно-правовое пространство» Российской империи периода конца XIX – начала XX в.

12. Выявлена специфика соотношения вероисповедного и национального факторов в регламентации религиозно-правовых традиций на Северном Кавказе в период с 1900 по февраль 1917 г.

Вышеотмеченное позволило структурировать в работе теоретические положения, выявить характерные особенности объекта исследования на конкретном этапе общественно-политического и правового развития Российского государства и народов Северного Кавказа, что существенно восполняет и дополняет существующие исследования в смежных научных специальностях, но в данном исследовании в историко-правовой сфере.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Сформулирована авторская трактовка понимания термина *«правовая традиция»*, под которой понимается нормативно-ценностная базовая разновидность социокультурной категории, имеющей транзитивный вневременной, императивно-регулятивный характер. Правовая традиция формирует духовно-нравственные, интеллектуально-волевые личностно-коллективные установки, которые предопределяют специфику выбора типа общественного и государственного устройства, содержание национальной правовой системы, легитимируя стандарты для гражданской самоидентификации личности, общества, государства.

2. Сформулирована авторская трактовка понимания термина *«религиозная традиция»*, под которой понимается нормативно-ценностная исторически сложившаяся категория, сущность которой основана на догмах религиозного учения, мировоззренчески передающая смысл и цель жизни человека, а также удовлетворяющая религиозные потребности почитателя культа. Содержательно проявляется в идеях, ценностях, установках, символах, стереотипах поведения, предопределяя уклад и тип личностно-коллективного взаимодействия, отражает уровень духовной культуры и нравственного свойства общества, легитимирует политический режим.

3. Сформулирована авторская трактовка понимания термина *«религиозно-правовая традиция»*, под которой понимается социокультурный и юридический феномен, отражающий специфику правовой системы, обусловленной влиянием на нее определенной религии в историческом общественно-политическом процессе, где содержательно детерминированы аксиологические формы источников религии и права в качестве духовно-нравственных регуляторов общественных отношений, имеющих межпоколенческую преемственность.

Формами внешнего выражения религиозно-правовой традиции являются обычай, практика, доктрина, нормотворчество, нематериальные объекты этнокультурного достояния народов России, а также деятельность институтов гражданского общества и государства. Формами внутреннего выражения является уровень мировоззренческого потенциала правосознания человека, социума, который нормативно-ценностно основан на постулатах религии.

4. Сформулирована авторская трактовка понимания термина *«северокавказская цивилизация»*, под которой понимается исторически сложившаяся аутентичная политэтническая конгломерация народов, проживающих на территории Северного Кавказа, обладающих многоукладным мировоззренческим характером, самобытным нравом, правовыми обычаями, духовно-нравственными ценностями, этногенетической ментальностью, которые указывают на своеобразие социокультурной и регулятивной систем. Нормативно-ценностные регуляторы общественных отношений проникнуты религиозно-правовой традицией, которые содержательно отражают нормы позитивного, обычного права, мировоззренческие социокультурные установки, нравственно определяют жизнь и быт местного населения, являются духовной идеологией, легитимирующей основы сформировавшегося политического союза народов северокавказского региона.

Религиозно-правовая традиция северокавказской цивилизации сущностно синкретизирована с базисными постулатами традиционных вероучений, содержательно детерминированных архаичной самобытной этнокультурой, нормативно-ценностными регуляторами коренного населения и гармонизированы идеологией. Указанная особенность способствовала созданию уникальных источников права в виде базовых нравственно-этических кодексов (например, ирон агъдау; адэгагъэ; тау адет; нохчо; намус и др.), ставших пиететным моральным идеалом правовой культуры, правового поведения, духовным и практическим имманентным индикатором северокавказской цивилизации.

5. Доказано, что *нравственно-этический кодекс чести* – это национальный социокультурный сакрально-юридический феномен, представляющий собой

содержательный комплекс лучших моральных принципов, духовно-нравственных установок, норм этикета, этнической культуры северокавказской цивилизации, которые имеют гуманистическую направленность, ценностно осознаваемы личностью относительно своей групповой принадлежности и оценочно отстаивающие интересы данной общности, архетипы которых сформированы в историческом прошлом.

6. Установлено, что *право кровной мести* представляет собой религиозно-правовой институт с наличием механизма регулятивного, охранительного, предупредительного и восстановительного характера социальных установлений за общеопасные преступления (порушенная честь и достоинство, причинение личного ущерба, нарушение имущественных прав), который основан на нормах адата и легитимирован религиозными допущениями, что позволяет установить порядок в сложившихся отношениях между сторонами конфликта вне зависимости от социальной дифференциации и тем самым сохранить стабильность, справедливость, равенство прав между причинителем вреда и потерпевшим.

7. Выявлено, что *аталычество* – это религиозно-правовой институт искусственного родства, который нормативно-ценностно фиксировал архаичные духовно-нравственные установки по коллективному воспитанию будущего поколения в целях преемственности национальных традиций, обычаев, культуры, создания условий для минимизации текущих и возможных социальных противоречий и конфликтов, достижений совместного блага. Аталычество формировало условия для сближения духовно-нравственных интересов не только между семьями и родами, но и между различными народами, предоставляя гарантии безопасности в установлении социальных связей. Это позволяло усмирить вражду, междоусобные противоречия путем выстраивания добрососедских взаимоотношений, имевших политико-правовые, экономические, военные последствия, а также сформировать условия для межкультурного взаимодействия, что обогащало внутреннюю национальную социокультурную среду.

8. Определено, что *куначество* представляло собой религиозно-правовой институт с комплексом регулятивных, охранительных правил поведения, нормативно-ценностной основой которого являются родовые обычаи и сакральные воззрения, которое ментально с опорой на традиции проявлялось не только в форме церемониала гостеприимства (внешняя форма), но и в особом нравственно-ценностном отношении (обращении, поведении) к прибывшему гостю (готовность к сопереживанию, взаимопомощи, самопожертвованию – внутренняя форма). Куначество способствовало установлению, расширению торговых, политических

контактов, обмена знаниями и опытом, расширяло социокультурное пространство для общения и взаимодействия между населением северокавказской цивилизации и иными народами.

9. Установлено, что православные духовно-нравственные установки, которые исходили от Российской империи в период с XVIII по XIX вв. по отношению к северокавказской цивилизации ценностно прививались посредством воспитательной, образовательной, религиозной деятельности, что способствовало синкретизации православной идеологии с самобытной религиозно-правовой традицией горцев, позволило сформировать культурно-идеологические основания для их последующей интеграции в состав единого многонационального, многоконфессионального государства, дало формальные основания для развития адатов горцев, благодаря чему архаичные элементы религиозно-правовой традиции содержательно изменялись либо утрачивали свою юридическую силу в качестве регулятора правоотношений и основ государственного устройства.

10. Доказано, что идеологическая сущность института махаджирства, развившегося среди народов Северного Кавказа в период с XVIII по XIX вв., обоснована религиозными постулатами ислама, которые духовно-нравственно убеждали мусульман в необходимости поиска идеала мироустройства, убежища от прозелитизма, в стремлении сохранить преемственность в традиционном укладе, быте, обычаях в государстве, где правитель покровительствовал единоверцам.

11. Установлено, что гармонизация адаптированных норм шариата, выборочных положений адатов и Низамов в качестве императивных регуляторов правоотношений стала сакрально-юридическим основанием для легитимации устройства имамата. Это способствовало гуманизации юридической ответственности за ряд общеопасных преступлений (кровная месть, воровство, умыкание невесты), сформировало нравственно-ценностные «стандарты» правоверного магометанина-мюрида вне зависимости от статуса и чина, дало толчок развитию богословско-юридической мысли среди народов Северного Кавказа, где институт богобоязненности («страх Божий») в сочетании с институтом соблюдения законов («исправление общественной нравственности») сакрально-юридически обосновывал сущность теократической государственности имамата.

12. Доказано, что Российская империя в конце XIX – начале XX в. сформировала державное религиозно-правовое пространство посредством аккультурации, ассимиляции национальных, религиозных, политических, правовых, экономических особенностей народностей, вошедших в многонациональный и многоконфессиональный состав государства. Характерной

особенностью процесса формирования державного религиозно-правового пространства являлось то, что в общеимперской государственно-вероисповедной политике стали конвергировать этнокультурологические особенности народностей, соотносивших себя по вере в качестве инославных и иноверцев, благодаря чему в российском обществе начался процесс комплементарности самобытных обычаев, традиций, религиозных воззрений, духовно-нравственная патернализация «господствующей идеологемы».

13. Сформулирована авторская трактовка понимания термина *«державное религиозно-правовое пространство»*, которое представляет собой совокупность национальных религиозно-правовых архетипов, устойчивых во времени и пространстве (ментальных проявлений, мифов, мировоззренческих стереотипов, обычаев, традиций, церемониалов, ритуалов, религиозных воззрений), нормативно-ценностно сориентированных на цивилизационный феномен, при этом внешне выражающих доминирующие в социально-культурном пространстве этнические нормы, мораль, религиозно-правовые установки. Сущность державного религиозно-правового пространства обусловлена институциональными трансформациями основ государственности, политического режима, правопорядка, государственно-правового механизма, идеологемой, которые складываются, развиваются в рамках конструирования исторически сложившейся этнокультурной территории, где базовым цивилизационным кодом является национально-религиозный компонент.

14. Установлено, что национально-вероисповедная среда северокавказского региона Российской империи в начале XX в. испытывала сложный процесс аккультурации посредством «русификации» горских народностей. Влияние прогрессивных революционных общественных движений, начало Первой мировой войны способствовали росту социально-экономических и политических противоречий у горцев по отношению к общеимперским духовно-нравственным ценностям и религиозно-правовым установкам. Указанные явления способствовали развитию этноцентристских воззрений у коренных народностей Северного Кавказа в установлении национально-религиозной, культурной автономии в традиционных местах их проживания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в следующем:

1) определена культурно-идеологическая и нормативно-ценностная сущность религиозно-правовой традиции в качестве императивного регулятора правоотношений и основ государственного устройства у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г.;

2) конкретизированы юридические понятия «правовая традиция», «религиозная традиция», «религиозно-правовая традиция», «северокавказская цивилизация», «державное религиозно-правовое пространство»;

3) выявлена взаимообусловленность религиозно-правовой традиции в становлении и развитии правовой системы, основ государственного устройства у народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г.;

4) теоретически тема раскрывает фундаментальные процессы взаимодействия религии, права и общества в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве, обогащая общую теорию права и историю цивилизации.

Практическая значимость диссертационного исследования выражена в том, что выводы диссертации, полученные и сформулированные автором, могут быть использованы в правотворческом процессе при выработке государственно-религиозной политики на Северном Кавказе. Представленный в исследовании авторский концептуальный анализ религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа в период с XVIII в. по февраль 1917 г. может учитываться и отражаться в современных нормативных правовых актах путем закрепления механизмов защиты тех духовно-нравственных ценностей и правовых традиций, которые формировались обществом и государством на протяжении веков и стали национальными религиозно-правовыми идеалами. В условиях современных вызовов (миграция, радикализация, сохранение традиционных ценностей) глубокое историко-правовое исследование этой темы может стать основой для научно-прикладных проектов, образовательных программ и рекомендаций для органов власти.

Традиционные институты куначества и гостеприимства, аталычества, кодекс чести остаются живым ресурсом для диалога между народами и с русскоязычным населением. Игнорирование этих норм может провоцировать напряженность. В целях противодействия экстремизму необходимо учитывать следующее. Традиционный суфийский ислам (тарикаты Накшбандия Кадирия) остается основой для большинства верующих в Чечено-Ингушетии и Дагестане. Суфийские шейхи и вирды (общины) играют роль стабилизаторов, они осуждают радикальный салафизм/ваххабизм, знание как мюридизм сочетает религию с политикой, помогает отличать традиционный ислам (интегрированный в местные обычаи) от радикальных идеологий. Следовательно, грамотное использование исторического опыта:

- снижает социальную напряженность;
- укрепляет российскую государственность;

- сохраняет культурное многообразие региона.

Обобщенные результаты исследования могут быть использованы в образовательной деятельности по учебным дисциплинам: «История отечественного государства и права», «Теория государства и права», «История политических и правовых учений», «Основы российской государственности», «Юридическое религиоведение».

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теории и истории права и государства Российского нового университета. Результаты проведенного исследования апробированы и внедрялись на протяжении всего периода подготовки комплексного исследования. Это способствовало своевременной корректировке избранного пути научного поиска, обеспечивало фактологическую достоверность и полноту познания предмета изучения.

Научные положения и результаты исследования нашли свое отражение в выступлениях на следующих научно-практических мероприятиях: региональной научно-практической конференции на тему «Проблемы реформирования судебной власти» (г. Нальчик, 2005 г.); XV Международной научно-практической конференции на тему «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Северокавказском федеральном округе» (г. Нальчик, 2006 г.); Международной научно-практической конференции на тему «Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее» (г. Ростов-на-Дону, 2011 г.); VII Международной научно-практической конференции на тему «Наука и инновации» (г. Прага, 2011 г.); Международной научно-практической конференции на тему «Российское общество, государство и право: история и современность» (г. Ростов-на-Дону, 2013 г.); V Международной научно-практической конференции на тему «Политико-правовые компоненты кавказской цивилизации: общее и особенное в системах власти, правовых институтах, ценностях, менталитете народов Кавказа» (г. Нальчик, 2015 г.); VI Международной научно-практической конференции на тему «Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи и Советов (XVIII–XX вв.)» (г. Ростов-на-Дону, 2016 г.); Международной научно-практической конференции на тему «Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы» (г. Нальчик, 2017 г.); Международном форуме «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 2020 г.); Всероссийской конференции с международным участием на тему «Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах» (г. Москва, 2022 г.); Региональной научно-практической конференции с международным

участием (г. Нальчик, 2023 г.); Национальной научно-практической конференции с международным участием в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик, 2023 г.); Международной научно-практической конференции на тему «Конституция Российской Федерации как основание и результат сохранения духовных ценностей народов» (г. Москва, 2024 г.); III Всероссийском форуме историков права, приуроченном к Году семьи в России на тему «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки» (г. Москва, 2024 г.); Международной научно-практической конференции на тему «Местное самоуправление в конституциях Советского периода» (г. Москва, 2025 г.); Круглом столе, посвященном 80-летию Великой Отечественной войны (г. Нальчик, 2025 г.); Международной научно-практической конференции «Память и право» (Памяти профессора В. М. Курицына) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР) (г. Москва, 2025 г.); XXVII Международном междисциплинарном научно-практическом форуме «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 2025 г.); Международной конференции «Судебная власть и судоустройство» (г. Москва, 2026 г.).

Результаты и основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 128 (ста двадцати восьми) научных публикациях по теме проведенного исследования, в том числе в 25 (двадцати пяти) изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в 4 (четырёх) монографиях.

Итоги исследования использовались при проведении лекций и семинарских занятий по дисциплинам «Теория государства и права», «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран», «История государства и права КБР», «Обычное право и Российская правовая система» в Кабардино-Балкарском государственном университете имени Х. М. Бербекова; результаты исследования апробированы в учебном процессе Московского университета «Синергия» по учебным дисциплинам «Теория государства и права», «История государства и права России», «Римское право», «История государства и права зарубежных стран». Результаты исследования использованы для студентов-аспирантов Дагестанского государственного университета по учебным дисциплинам «Основы Российской государственности», «История государства и права России», «Конституционное право», «Обычное право»; внедрены в учебную деятельность в Северо-Кавказском исламском университете имени Имама Абу Ханифы по учебным дисциплинам «История ислама и мусульманских народов России», «История и культура народов КБР», «История», а также

в практическую деятельность Министерства по делам национальностей и общественным проектам Кабардино-Балкарской Республики, комитета Парламента Кабардино-Балкарской республики; научно-исследовательскую и практическую деятельность Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской республики, в правозащитную деятельность филиала Кабардино-Балкарской республики Международной коллегии адвокатов г. Москвы «Закон и право»; практическую деятельность Государственного бюджетного учреждения «Молодежный центр КБР», Министерства по делам молодежи КБР.

Структура диссертационной работы обусловлена ее содержанием, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих в себя двенадцать параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определены актуальность темы, степень научной разработанности, объект и предмет исследования, его цели и задачи, методологическая и теоретическая основы, эмпирическая база исследования, обоснована научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, раскрыто теоретическое и практическое значение исследования, указаны сведения об апробации его результатов.

Первая глава «Теоретическая и историко-правовая концепция исследования религиозно-правовой традиции народов Северного Кавказа» включает три параграфа.

В первом параграфе *«Концепция правовой природы и религиозного содержания категории «традиция»: понятие, аксиологическое измерение»* установлено, что «традиция», являясь естественной социально порожденной категорией, имеет сакральное и историческое обоснования, которые формируют стереотипы социального и индивидуального поведения для текущей реальности. Осмысление конструкции «традиция» и ее сущностной социальной значимости указывает на то, что ее природа имеет нормативный характер в качестве регулятора общественных отношений. Доказано, что наиболее предпочтительной разновидностью реализации категории «традиция» в качестве базы государственного порядка и общественного устройства являются *правовые* основы, что позволяет придать им общеобязательность, легитимность, универсальность, эффективную оценочность в применении.

Выявлено, что для правовой традиции характерны признаки, которые определяют ее суть и назначение в национальной правовой системе.

К каковым относятся: социокультурные ценности (обычаи, мораль, религия, ритуал, справедливость и другие), что позволяет сформировать мировоззренческие, духовно-нравственные (гуманистические) ориентиры в практическом воплощении для личностно-коллективной самоидентификации; пронизывает все сферы и области жизни человека, придавая им осознанный аксиологический характер, который отображается в уровне национального правового менталитета в виде социокультурного устойчивого ядра; историчность, что указывает на межпоколенческую трансляцию и востребованность традиций, их важность и значимость в качестве регуляторов общественных отношений с преобразованием фактов прошлого в ценности будущего. Правовая традиция связана с эволюцией юридической мысли (транзитивный вневременной характер); механизм реализации проявляется в уровне правосознания, правовой культуры, правового воспитания, правовой пропаганды населения; наличие опыта (знания) нормотворческой деятельности, которое в сочетании с самобытным юридическим мышлением, интеллектуально-волевыми и психологическими социальными особенностями предопределяет специфику осмысленного содержания норм; внешней формой выражения являются нормы права, которые формализуют, легитимируют общественные отношения в устойчивой связи с историческими особенностями социокультурного развития, обязывают субъектов отношений нравственно-идеологически воспринимать моральную «силу» традиции; фиксируют требования социальной общности к поведению ее членов, которое должно соответствовать «стандартам», «маркерам» поведения, что придает им императивный характер регулятивного свойства; являются основой для национальной правовой идеологии и правовой доктрины, что придает нормативным регуляторам юридическую силу и авторитет; посредством юридической техники закрепляются в национальной правовой системе, влияют на тип формирования общественного и государственного устройства, что делает их общественно признаваемыми/узнаваемыми (выступают в качестве юридического наследия).

Среди многочисленных видов цивилизационных традиций не менее важными для устройства основ государственного порядка, общественных отношений, вокруг которых выстраиваются концептуальные подходы, являются *религиозные*. Установлено, что аксиологическое предназначение религиозной традиции состоит в ретрансляции исторически сложившегося религиозного опыта, знаний субъектам – почитателям культа (индивидам, социальным группам), которые формируют свое осознанное мировосприятие к окружающей среде через религиозное познание. Опираясь на священные тексты, сакральные символы,

ритуальные практики, церемониалы, почитатели культа формируют личные знания о религиозном учении. Нравственно ориентируясь на опыт жизнедеятельности отцов учения, священнослужителей, стремятся возвысить свой внутренний мир до высоких моральных ценностей, легитимированных канонами учения. Способствуют нормативно-ценностному внешнему мотивированно осознанному поведению субъекта отношения, которое позитивно воспринимается государством, если религиозное учение не отрицает важность и роль институтов государственной власти в качестве регулятора общественного устройства. На уровне коллективного бессознательного религиозная традиция выполняет роль индикатора этнокультурной индивидуальности этнической группы при современном многоконфессиональном составе народов России. Указывает на исторически predetermined духовную принадлежность соплеменников, что влияет на условия реализации межнациональных процессов.

Во втором параграфе *«Религиозно-правовая традиция как категория юридической науки»* установлено, что синтез культур, духовно-правовых начал тех социальных групп, наций, народностей, которые сформировали политический союз, несмотря на разницу в идеологических предпочтениях, способствовали формированию уникальной системы универсальных религиозно-правовых традиций, которые свойственны народу страны.

В параграфе рассматриваются истоки становления и развития категории «религиозно-правовая традиция» на Руси с древности до наших времен применительно к юридической науке. Отмечено, что гармоничное сочетание религиозных догм и правовых обычаев в юридических актах прошлого и настоящего способствовало формированию глубинных народных представлений о добре и зле; мерилах праведности общинной жизни и успешной хозяйственной деятельности; важности сохранения родовых связей и семейно-брачных уз; необходимости приобретения знаний в избранном виде человеческой деятельности; обоснованию назначения греха; роли и места главы государства в устройстве общественного порядка; авторитета и полномочий правителя. Установлено, что расширение в XVIII в. территориальных владений способствовало тому, что в Российской империи были заложены нормативно-ценностные условия для гармоничного государственного единения многонационального состава страны, в основе которых закладывался принцип веротерпимости. Это способствовало усилению соотношения религии и права в качестве традиционных регуляторов юридической науки среди подданных Российской империи вплоть до революционных событий 1917 г.

В третьем параграфе «Исторические условия становления и развития северокавказской цивилизации в контексте религиозно-правовой традиции» характеризуется специфика становления и развития нормативно-ценностных регуляторов и духовно-нравственных установок социокультурной среды народов Северного Кавказа, в основе которых содержательно заложена религиозно-правовая традиция, что способствовало историческому и политическому единению горцев в составе «северокавказской цивилизации». Установлено, что парадигма соотношения этнокультурного, национального и нормативно-ценностного в быту у кавказцев в вопросах устройства основ государственности находит свое особое выражение в практике реализации религиозно-правовой традиции.

Выявлено, что оформившаяся религиозно-правовая традиция позволила установить базисные духовно-нравственные постулаты для культуры межнационального общения на Северном Кавказе, которые основаны на общечеловеческих ценностях, родовых обычаях, содержательно проникнутых национальной идеологией, ставшей основой для формирования национальной государственно-правовой идеологии. Поэтому сложившаяся этноконфессиональная общность судьбы у народов северокавказской цивилизации, обусловленной историчностью, взаимопроникаемыми культурными традициями, обычаями, и по настоящее время позволяет разрешать социальную напряженность, противоречия, в основе которых ксенофобия, взаимная нетерпимость, дисбаланс отношений, имеющие место между представителями коренных народностей. Кроме того, способствует усилению консолидирующих факторов на основе духовного родства кавказцев в рамках существующего геополитического и религиозно-правового пространства, что сказывается на стабильности региона.

Вторая глава «Формы сочетания обычаев и религиозной традиции у народов Северного Кавказа (XVIII в.)» включает четыре параграфа.

Первый параграф «Религиозная традиция как нравственно-этическая основа кодекса чести» характеризует доминантные нормативно-регулятивные образцы поведения для члена горской общины, рода, которые содержательно отражают сущность национальной религиозно-правовой традиции. Установлено, что кодекс чести является нравственно-этическим императивным сводом норм обычного права, который конструктивно содержит моральные принципы, традиционные ценности, высокие духовно-нравственные установки и религиозные постулаты. Его положения нравственно закладывались в качестве святой святых среди жителей гор, что способствовало развитию социокультурных и юридических феноменов.

Во втором параграфе *«Влияние религиозной традиции на эволюцию обычая кровной мести»* рассматривается нормативно-регулятивное и охранительное содержание права кровной мести у горцев в качестве религиозно-правового инструмента по восстановлению поруганной чести, личных и имущественных прав вне зависимости от социальной дифференциации при отсутствующем судебном, следственном аппарате органов государственной власти. Установлено, что назначение института права кровной мести не физическое устранение кровника, а восстановление равновесного порядка отношений, возникший между сторонами конфликта, и тем самым сохранение стабильности, справедливости, равенства прав между причинителем вреда и потерпевшим, восстановление долга перед убитым. Определено, что в процессе разбирательства стороны по праву кровной мести применяли особый сакрально-юридический ритуал, который нравственно гарантировал искренность, правдивость слов и намерений лиц, участвующих в деле. Ритуал имел целью доказать невиновность либо примирить стороны. Доказано, что присоединение Северного Кавказа к России в XIX в. способствовало гуманизации права на реализацию кровной мести.

В третьем параграфе *«Роль религиозной традиции в формировании воспитательных практик аталычества»* рассматривается искусственное родство, которое основано на доброй воле сторон. Установлено, что эти отношения складываются как между равными по социальной дифференциации слоями, так и между различными по уровню материального достатка, привилегированности, где воспитанник, как правило, представитель аристократической семьи. Наиболее полно последний тип аталычества складывается там, где имелись основания, связанные с условиями возникновения кровной вражды. Выявлено, что институт аталычества формировал условия для сближения интересов не только между семьями и родами, но и между различными народами. Это позволяло усмирить вражду, междоусобные противоречия путем выстраивания добрососедских взаимоотношений, имевших религиозные, правовые, экономические, военные последствия, сформировать условия для межкультурного взаимодействия, что обогащало социокультурную среду. Доказано, что аталычество в качестве особого социокультурного и юридического феномена реализовывалось на всей территории Северного Кавказа, являлось важным фактором в политическом объединении, интеграции и взаимовлиянии народных культур, укреплении существующих социальных связей, ориентированных на религиозно-правовые традиции.

В четвертом параграфе *«Куначество как синтез обычая гостеприимства и религиозной традиции»* установлено, что куначество генетически опиралось

на самобытные сакрально-юридизированные нормы, которые внешне проявлялись в особом церемониале гостеприимства у народов Северного Кавказа. Выявлено, что куначество нравственно представляло собой особую форму общения людей, которые были не только не родственниками, но и людьми другой национальности, вероисповедания. Это способствовало развитию и усилению добрососедских, дипломатических отношений, духовному сближению разных народов, являлось фактором взаимовлияния культур, обычаев среди соседей, имевших территориально-географическую соприкосновенность либо разобщенность. Доказано, что нормативно-ценностной основой института куначества являются родовые обычаи и сакральные воззрения, которые ментально с опорой на традиции сплачивают народы Северного Кавказа в особый тип гостеприимной цивилизации. Куначество способствовало установлению, расширению торговых, политических контактов, обмену знаниями и опытом, расширяло социокультурное пространство для общения и взаимодействия между населением северокавказской цивилизации и иными народами.

Третья глава «Особенности религиозно-правовой интеграции Северного Кавказа при вхождении в состав Российской империи (XIX в.)» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Влияние государственно-правовых установлений Российской империи в регламентации религиозно-правовой традиции у народов Северного Кавказа» анализируется государственно-правовое развитие народов Северного Кавказа, которые в XIX в. были вовлечены в сферу расширявшихся пророссийских интересов. Установлено, что наибольший успех достигла Россия в освоении территорий Северного Кавказа, прежде всего, благодаря реализации «мягкой» силы, которая распространялась на образовательную, религиозную и культурную сферы (иначе аккультурация). Это позволило на «новых территориях» сохранить народные языки, религию, традиции и культурную самобытную специфику, при условии: если это не угрожало целостности российского государства, способствовало укреплению связи и влиянию Российской империи среди народов Северного Кавказа.

Выявлено, что имперские государственно-правовые решения заложили культурно-идеологическую, нравственно-ценностную платформу среди народов Северного Кавказа для будущей единой военной и местной администрации, судебной юрисдикции, особенно среди верующих мусульман, не считавших себя религиозными фанатиками. Кроме того, позволили гарантированно установить контроль над Северокавказским регионом без серьезных военных столкновений с противодействующими, постепенно усиливая и расширяя идеологическое

влияние на местную аристократию; начать процесс «примирения» исламской религии с православной государственностью путем «вестернизации» крайне радикальных догматических установок, реализации политики межкультурализма.

Во втором параграфе «Значение махаджиров в преемственности религиозно-правовой традиции: опыт деятельности мюридов» анализируется миграционный процесс, который получил свое развитие среди горцев, считавших себя мусульманами по вере, в результате геополитического включения территорий Северного Кавказа в состав расширявшихся интересов Российской империи. Установлено, что Кавказская война в середине XIX в. усилила миграционные процессы среди местного населения, которые не воспринимали либо боялись государственно-правовых мер, распространяемых царской администрацией на территориях, вошедших в состав Российской империи. Доказано, что религиозное движение махаджиров фактически прекратилось лишь после того, когда Россия ввела в состав империи значительные территории Северного Кавказа и поставила под контроль религиозную пропаганду, прежде всего, со стороны иностранных религиозных эмиссаров. Это способствовало началу процесса по возвращению махаджиров в родные земли.

В третьем параграфе «Место и роль религиозно-правовой традиции в национально-государственном устройстве имамата Шамиля» анализируются особенности формирования национально-государственной автономии у народов Северного Кавказа, сущностное содержание которого выражали фундаментальные постулаты идеологии ислама, легитимированные нормами шариата и обоснованные адатом, низамами.

Установлено, что становление имамата сопровождалось одновременно преобразовательной административной деятельностью в общественном устройстве быта, уклада жизни горцев, технико-юридической правке регуляторов правоотношений, усилением роли и значения мусульманского духовенства в разрешении мирских казусов. В качестве идеологии государственного строительства национально-государственного образования была заложена концепция построения мусульманского государства Халифата с нравственной опорой на традиции местного управления и нормы шариата. Доказано, что действие шариатского права с низамами в качестве императивных регуляторов правоотношений внесло существенные преобразования в нрав, быт, условия ведения хозяйства среди кавказских народов, состоявших под властью имама. Произошла гуманизация мер юридической ответственности за воровство, насилие, умыкание невесты и другие виды преступлений. Это позволило увеличить меры фискального воздействия к правонарушителям государственного порядка, дало

толчок развитию богословско-юридической мысли на Северном Кавказе, способствовало усилению роли религиозно-правовой традиции в качестве регулятора правоотношений, в основе которых постулаты ислама.

Глава четвертая «Государственно-правовое регулирование религиозно-правовых традиций народов Северного Кавказа (1900 – февраль 1917 гг.)» включает два параграфа.

Первый параграф «Религиозно-правовое пространство российской государственности в начале XX века» анализирует вопросы развития и правовой регламентации государственно-вероисповедной политики в многонациональном и многоконфессиональном составе населения Российской империи. Установлено, что несмотря на заявленный императором в начале XX в. декларативный характер о совершенствовании вероисповедного законодательства и державного религиозно-правового пространства, в основе которых предполагалась широкая реализация религиозных прав и свобод, население было ограничено в их формально-юридическом воплощении вплоть до событий 1917 г. Особенно их эффективность в правореализации снизилась в годы Первой мировой войны. В социальной среде Русская православная церковь стремительно теряла нравственный авторитет, а аристократические слои были в целом политически инертны, не признавали потребностей и запросов населения. Отсюда и тот революционный тезис, который получил широкое хождение в народной среде: «верхи не могли, а низы не хотели», грозивший идеологическим столкновением интересов «терпимых» религий, конфессий с интересами «господствовавшего» православия.

Доказано, что в качестве причины неудач царской администрации в реализации целеполаганий в государственно-вероисповедном вопросе обозначилась, прежде всего, боязнь утраты политической власти императором, ее легитимности, которая обосновывалась государственной религией. Поэтому принятые законодателем новации не достигали цели, так и оставаясь без практического воплощения в правоприменительной деятельности. А это, в свою очередь, создавало внутреннее напряжение, в том числе вероисповедное, среди стихийно развивавшихся общественно-политических сил, которые ожидали от государя милости в разрешении их насущных религиозных треб, способствовало росту индифферентного отношения социума к государственной религии, обычаям как к традиционным регуляторам правоотношений.

Во втором параграфе «Соотношение вероисповедного и национального факторов в регламентации религиозно-правовых традиций на Северном Кавказе» анализируется этнокультурный облик населения Северного Кавказа

начала XX в., который по результатам проводимой политики аккультурации, переселения народностей российскими властями и интеграции региона в державное религиозно-правовое пространство стал многоликим. Установлено, что российское правительство, отказавшись от прямого вмешательства в жизнь кавказцев, проводило политику национально-религиозных, государственно-правовых, институциональных преобразований в регионе, стремясь сформировать у горцев в обыденном правосознании единство имперского мировоззрения, ментальной державной идентичности по принципу «русификации», тем самым, связывая исторически судьбы народов. Поэтому религиозная среда горцев находилась под государственной «опекой». Это позволяло контролировать деятельность лиц, которые могли бы противодействовать интересам России на Кавказе, а также сдерживать возможные сепаратистские проявления под революционными лозунгами о национально-культурной автономии.

Доказано, что начальные протестные движения среди горцев имели характер локальных стычек с междоусобным криминальным оттенком, а также проводились стачки по насущным экономическим вопросам (повышение оплаты труда, увеличение времени отдыха, предоставление земельных наделов, установление достойного пропитания, уровня жизни). Однако по мере роста социальной напряженности народный протест стал приобретать политико-религиозные, национальные очертания в развивавшемся стремлении горцев к автономии региона, области, поселения вне состава державного религиозно-правового пространства. В качестве лозунгов все чаще стали звучать следующие призывы: «Да здравствует обновляющийся во имя общего человечества мусульманский мир! Да здравствует революция! Да здравствует единение нации и народов!». Усилился среди горцев рост числа представителей радикальных религиозных сект исламского толка, например, зикристы, кунтисты. Начался процесс перерождения религиозного движения мюридов.

Отсутствие позитивного конструктивизма в решениях царской администрации в вопросах о стратегическом планировании по национально-религиозным запросам, исходившим от кавказского населения, указывало на то, что принятых локальных мер по этническому, национально-государственному развитию культурно-идеологического пространства Северного Кавказа в составе державного религиозно-правового пространства оказалось недостаточным. Более того, возникавшие провалы в текущей национально-вероисповедной имперской политике по расширению державного религиозно-правового пространства способствовали постепенному нарастанию сепаратистских национальных настроений в окраинах. Поэтому не случайно то, что в начале XX в.

обострился исторический «кокон» – «Кавказский вопрос», который впервые появился в лексиконе в рамках работы Государственной Думы и был сопряжен не только с религиозными, идеологическими, национальными вопросами, но и военно-стратегическими, экономическими, причинами, тем самым став проблемой геополитики России в обеспечении защиты имперских интересов в Северокавказском регионе. В связи с этим представителями «обрусевших» горцев из числа военно-политической элиты актуализировался на государственном уровне вопрос об этнотерриториальной самоидентификации северокавказской цивилизации в преддверии неизбежности распада империи.

В заключение подведены итоги и обобщены основные выводы исследования.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Статьи, содержащие основные положения диссертации, опубликованные
в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень
Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации:**

1. Сатушиева Л. Х. Механизм взаимодействия российского законодательства, мусульманского и обычного права на Северном Кавказе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 1 (14). – С. 57–60. (0,35 п.л.).

2. Сатушиева Л. Х. Правовой статус мусульман на Северном Кавказе в XIX веке // Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 10. – С. 381–391. (1,28 п.л.).

3. Сатушиева Л. Х. Проблема соотношения религиозного и национального в политике Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – в начале XX в. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 62–68. (0,8 п.л.).

4. Сатушиева Л. Х. Формирование правового режима включения мусульман в состав Российской империи (по нормативным актам XVIII в.) // История государства и права. – 2012. – № 2. – С. 8–16. (1,1 п. л.).

5. Сатушиева Л. Х. Правовые основы российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 1. – С. 87–92. (0,7 п.л.).

6. Сатушиева Л. Х. Гражданское общество на Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: правовая реальность // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – Нальчик. – 2013. – Т. 3. – № 4. – С. 84–90. (0,8 п.л.).

7. Сатушиева Л. Х. Формирование правового режима для регулирования статуса мусульман в Российской империи в начале XX века // Общество и право. Краснодарский университет МВД РФ. – 2013. – № 1 (43). – С. 39–43. (0,3 п.л.).

8. Сатушиева Л. Х. Статус национальных культур народов Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История государства и права. – 2014. – № 16. – С. 16–21. (0,5 п.л.).

9. Сатушиева Л. Х. Право и государство в контексте гражданского общества на Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 1 (133). – С. 36–39. (0,2 п.л.)

10. Сатушиева Л. Х. Правовой аспект необходимости развития гражданского общества на Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы экономики и права. – 2017. – № 111. – С. 7–11. (0,3 п.л.).

11. Сатушиева Л. Х. Формирование регулятивных систем Российского государства в религиозной сфере на Северном Кавказе (первая половина XIX в.) // Юридические исследования. – 2018. – № 9. – С. 56–64. (1,2 п.л.).

12. Сатушиева Л. Х. Процесс правового оформления статуса мусульман в Российской империи в первой половине XIX в. и его особенности на Кавказе // Юридическая наука. – 2018. – № 9. – С. 89–95. (0,7 п.л.).

13. Сатушиева Л. Х. Основные направления государственной политики Российской империи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 4 (48). – С. 93–97. (0,3 п.л.).

14. Сатушиева Л. Х. Правовая культура народов Северного Кавказа и принципы Российского законодательства в 1990-е годы: причины всплеска традиционных примирительных процедур // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 291–297. (0,8 п.л.).

15. Сатушиева Л. Х. Влияние правосознания на содержание гарантии прав и свобод граждан в условиях развития информационного общества // Образование и право. – 2024. – № 6. – С. 67–71. (0,3 п.л.).

16. Сатушиева Л. Х. Формирование уровня правосознания в информационной среде посредством обеспечения законности и правопорядка // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 50–54. (0,3 п.л.).

17. Сатушиева Л. Х. К вопросу о правовой природе, сущности и содержании религиозной традиции // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 48–51. (0,3 п.л.).
18. Сатушиева Л. Х. Кодекс чести народов Кавказа как нравственно-этический регулятор общественных отношений // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 2. – С. 40–44. (0,8 п.л.).
19. Сатушиева Л. Х. Священное гостеприимство и традиции народов Северного Кавказа: уникальное наследие региона // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 2. – С. 46–51. (0,8 п.л.).
20. Сатушиева Л. Х. Об исключительности правового регулирования кровной мести в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 129–132. (0,7 п.л.).
21. Сатушиева Л. Х. К вопросу о периодизации и развитии религиозно-правовых традиции в России: теоретико-правовой анализ // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 3. – (1,1 п.л.).
22. Сатушиева Л. Х. О Взаимозависимости права и религии в регулировании общественных отношений в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 5. – (0,8 п.л.).
23. Сатушиева Л. Х. Правовая традиция как исторически обусловленный нормативно-ценностный социокультурный феномен // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 5. – С. 151–154. (0,3 п.л.).
24. Сатушиева Л. Х. К вопросу о влиянии реформ 1860–1870-х гг. на систему мусульманского судопроизводства в Терской и Кубанской областях // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 2. (1,1 п.л.).
25. Сатушиева Л. Х. Единство многонационального народа России в практике конституционного правосудия: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. – 2026. – № 4. (1,0 п.л.).

Монографии:

26. Сатушиева Л. Х. Правовые основы российской политики в сфере национально-религиозных отношений на Северном Кавказе (XVI – начало XX вв.): историко-правовой аспект. – Изд. М. и В. Котляровых. – Нальчик, 2011. – 134 с. (8,4 п.л.).
27. Сатушиева Л. Х. Механизм реализации адата на Северо-Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV – начало XX вв.). – Москва: «Проспект», 2012. – 120 с. (7,5 п.л.).

28. Сатушиева Л. Х. Правовые и традиционные формы регулирования религиозной жизни народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX века: историко-правовой анализ. – М.: Изд. Юнити-Дана: Закон и право, 2024. – 141 с. (8,9 п.л.).

29. Сатушиева Л. Х. Роль и значение религиозной и национальной политики на Северном Кавказе в период Российской империи в XVIII – первой половины XIX века: историко-правовой анализ. – М.: Изд. Юнити-Дана: Закон и право, 2024. – 139 с. (8,7 п.л.).

Работы на иностранных языках:

30. Satushieva L. Religious culture of the North Caucasus and Russian Power in the first half of XIX-th century // The Caucasus and Globalization. – 2013. – №. 3-4. – P. 142–152. (1,25 п.л.).

31. Satushieva L. National cultures in the Russian Empire in the 19-th – early 20-th centuries // The Caucasus and Globalization. – 2012. – № 2. – P. 146–156. (1,25 п.л.).

Научные статьи в сборниках материалов международных, всероссийских и иных научно-практических конференций, сборниках научных трудов:

32. Сатушиева Л. Х. Механизм реализации адата под воздействием российской политики и мусульманского права // Юридическая наука в начале третьего тысячелетия: материалы научно-практической конференции, Майкоп, 1–2 апреля 2004 г. – Майкоп. – 2004. – С. 142–149. (0,93 п.л.).

33. Сатушиева Л. Х. Развитие судебной системы под влиянием адата на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // Проблемы реформирования судебной власти: материалы региональной научно-практической конференции, Нальчик, 25–26 мая 2005 г. – Нальчик. – 2005. – С. 73–75. (0,35 п.л.).

34. Сатушиева Л. Х. Роль религиозно-национального фактора в становлении системы правовых отношений в России в XVIII в. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Северокавказском федеральном округе: материалы XV Международной научно-практической конференции, Нальчик, 13–15 мая 2011 г. – Нальчик. – 2011. – С. 34. (0,12 п.л.).

35. Сатушиева Л. Х. Религиозный и национальный аспект в политике Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – начале XX вв. // Правовой мир

Кавказа: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 24–25 апреля 2011 г. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 81–97. (1,98 п.л.).

36. Сатушиева Л. Х. Место правовых обычаев в правовых системах современности как источника права и роль государства в его развитии // Наука и инновации: материалы VII Международной научно-практической конференции, Прага, 13–15 мая 2011 г. – Прага. – 2011. – С. 44. (0,12 п.л.).

37. Сатушиева Л. Х. Право народов Кавказа. Мусульманское судопроизводство в первой половине XIX века // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития: материалы конференции, Ростов-на-Дону, 26–27 апреля 2012 г. – Ростов-на-Дону. – 2012. – С. 87–95. (1,05 п.л.).

38. Сатушиева Л. Х. История формирования правового режима для регулирования статуса мусульман в Российской империи в начале XX в. // Российское общество, государство и право: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 18–20 октября 2012 г. – Ростов-на-Дону. – 2013. – С. 140–152. (1,51 п.л.).

39. Сатушиева Л. Х. Христианский вопрос в российской политике на Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Политико-правовые компоненты кавказской цивилизации: общее и особенное в системах власти, правовых институтах, ценностях, менталитете народов Кавказа: материалы V Международной научно-практической конференции, Нальчик, 20–23 мая 2015 г. / Отв. ред. Д. Ю. Шапсугов; Изд-во ЮРИУ; РАНХиГС при Президенте РФ. Ростов-на-Дону: Типография ООО «Альтаир», 2015. – С. 287–296. (1,2 п.л.).

40. Сатушиева Л. Х. Правовая модернизация жизни мусульман Северного Кавказа в контексте развития российского государства в первой половине XIX в. // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи и Советов (XVIII – XX вв.): материалы VI Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. Ю. Шапсугов. Ростов-на-Дону: Издательство ООО «Альтаир», 2016. – С. 259–273. (1,74 п.л.).

41. Сатушиева Л. Х. Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Нальчик, 26–27 мая 2017 г. – Нальчик, 2017. – С. 117–126. (1,0 п.л.).

42. Сатушиева Л. Х. Правовая культура народов Северного Кавказа и принципы Российского законодательства в 1990-е годы: причины всплеска традиционных примирительных процедур // Юридические инновации (доктрина,

практика, техника): материалы Международного форума, Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 г. – Нижний Новгород, 2020. – С. 86–95. (1,0 п.л.).

43. Сатушиева Л. Х. Роль местного самоуправления как института гражданского общества на Северо-Западном и Центральном Кавказе // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах: Всероссийская конференция с международным участием: сборник материалов / под ред. Л. Т. Чихладзе, Е. Ю. Комлева. – Москва, 2022. – С. 187–194. (0,8 п.л.).

44. Сатушиева Л. Х. Роль органов местного самоуправления в системе образования и в развитии инновационных образовательных технологий // Инновационные образовательные технологии как инструмент развития интеллектуального потенциала региона: материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием, Нальчик, 25–26 мая 2022 г. – Нальчик, 2022. – С. 232–237. (0,7 п.л.).

45. Сатушиева Л. Х. Создание и развитие системы государственного и местного управления на Северном Кавказе // Вестник СКФО: право и экономика. – 2022. – № 2 (22). – С. 33–36. (0,3 п.л.).

46. Сатушиева Л. Х. Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки // Сборник материалов III Всероссийского форума историков права, приуроченного к году семьи в России. – Москва, 2024 г. – С. 45–52. (0,8 п.л.).

47. Сатушиева Л. Х. «Конституция РФ как основание и результат сохранения духовных ценностей народов» // Местное управление в конституциях советского периода: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 34–43. (1,25 п.л.).

48. Сатушиева Л. Х. Функциональное единство публичной власти и самоуправления в контексте муниципальной реформы // Экономика и право в новых реалиях: сборник статей Национальной научно-практической конференции с международным участием. В 2 частях. – Нальчик, 2024. – С. 206–208. (0,3 п.л.).

49. Сатушиева Л. Х. К вопросу о периодизации становления и развития религиозно-правовых традиций в России: теоретико-правовой анализ // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. – 2025. – № 1 (76). – С. 30–36. (0,6 п.л.).

50. Сатушиева Л. Х. Историко-правовой подход в понимании символов и роли обычаев в их становлении и развитии / Символы в праве (доктрина, практика, техника): XXVII Международный междисциплинарный научно-

практический форум «Юртехнетика», Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 г. // Юридическая техника. – 2026. – № 20. – С. 430–435. (0,6 п.л.).

51. Сатушиева Л. Х. Историческая память и преемственность поколений как традиционная и духовно-нравственная ценность // Международная научно-практическая конференция «Память и право (Памяти профессора В. М. Курицына) (к 50-летию образования Московской высшей школы милиции МВД СССР): сборник материалов. – Москва, 2025. – С. 8–18. (0,93 п.л.).

52. Сатушиева Л. Х. Роль шариатских судов в Кабарде в рамках общеимперской судебной системы в XIX – нач. XX вв. // Судебная власть и судоустройство : сборник Международной научно-практической конференции. – Москва, 2026. – С. 7–14. (0,93 п.л.).